

Н.В. Карпова, канд. социол. наук, доц. кафедры политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

ПОЛИТИЧЕСКИЙ “ГЕНОТИП” КАК СТРУКТУРНЫЙ ЭЛЕМЕНТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

N.V. Karpova

POLITICAL “GENOTYPE” AS A STRUCTURAL ELEMENT OF POLITICAL CULTURE

Статья посвящена исследованию вопроса о генетических основаниях политической культуры в контексте развития социально-политической системы. Автором разрабатывается понятие “политического генотипа” как устойчивого структурного элемента политической культуры, определяющего ее содержание и допустимые возможности изменчивости. В работе также выделяются основные формы существования и проявления политического генотипа, его функции, раскрывается “генетический” механизм политико-культурной преемственности.

Ключевые слова: архетип, менталитет, политический генотип, политическая культура, политический миф, политические традиции, политическое развитие.

The article is devoted to the issue of genetic foundations of political culture in the context of the socio-political system changes. The author elaborates the concept of “political genotype” as a sustainable structural element of political culture that determines its content and the possibility of permissible variation. In this paper the main forms of existence of political genotype and its functions are also investigated; and “genetic” mechanism of political culture succession is explored.

Keywords: archetype, mentality, political genotype, political culture, political myth, political traditions, political development.

История политических изменений в России первых десятилетий XXI в. связана с постепенным отказом и отходом страны от западных либеральных концепций развития, усилением консервативных тенденций и поворотом к своим традиционным началам, национальным истокам. Причем эти тенденции прослеживаются не только на уровне государственной политики, но и на уровне общества. Если на рубеже веков и в начале нулевых годов различные

* Карпова Наталья Владимировна, e-mail: karpova-nat@yandex.ru

исследователи задавались открытыми вопросами о переходности массового сознания российского общества, прогнозируя, куда качнется маятник, то спустя 15 лет ответ на эти вопросы стал очевиден. После периода “революционной смуты” массовое сознание начало устойчиво возвращаться в свое традиционное русло. В условиях политической и экономической нестабильности 1990-х гг. и неуверенности граждан в правильности хода реформ произошла инстинктивная активизация действий механизма традиции, возвращающего общество к своим историческим культурным образцам. Усталость от перемен, острая потребность в стабилизации обусловили ориентацию общества на политику сильной руки. “Порядок” и “стабильность” снова стали основной идеологемой в сознании российских граждан и ориентиром для политических институтов, а могущество страны устойчиво связывается с сильным лидером, сильной властью.

Конечно, наблюдаемый виток стал далеко не первым в российской политической истории. Похожими яркими примерами были преобразования Александра I, “великие” реформы Александра II, которые в обоих случаях так до конца и не были осуществлены, а сменялись периодами восстановления консервативных сил. Подобная цикличность политических изменений в России уже не раз становилась объектом научных дискуссий среди философов, историков, социологов и политических деятелей о культурной предопределенности российского пути и о том, нужен ли и, главное, возможен ли для России выход за пределы формата культурных традиций. В наши дни тема “о яре традиций” в российском обществе приобрела особую актуальность, поскольку напрямую связана с реальным политическим процессом и вектором политического развития страны.

Отечественный историк Н. Эйдельман в своей работе «“Революция сверху” в России» отмечал, что у каждого народа наличествует «нечто вроде сложнейшей “социальной генетики”, — то, что именуется исторической... преемственностью, что закладывается веками, тысячелетиями»¹. Поэтому, так или иначе, развитие любого государства в широком его понимании преломляется через призму уникального, присущего только ему генетического комплекса, который “кодирует” и соответственно определяет специфику, закономерности и возможности реформ и изменений. Безусловно, определенное воздействие со стороны подобного исторически

¹ Эйдельман Н. “Революция сверху” в России (Заметки историка). М., 1989 // Электронная библиотека. URL: <http://e-libra.ru/read/217082-revoluciya-sverxu-v-rossii.html> (дата обращения: 28.10.2015).

сложившегося “генетического кода” имеет место и в политическом развитии России.

В современной научной литературе существует немало работ, посвященных исследованию “генетических” особенностей нашей страны, в которых с разных позиций и точек зрения рассматриваются и анализируются российский национальный характер, ментальность, политические традиции в их влиянии на логику и перспективы исторического развития². Как правило, к ядру генетических особенностей России, или субъективным доминантам исторического процесса, исследователи относят патерналистские ориентации, традиции авторитарной централизованной власти, пассивность и правовой нигилизм со стороны общества, слабость самоуправления, имперскую внешнюю политику. К сожалению, эта проблема зачастую переводится в область публицистики, что, естественно, снижает ее научную значимость и не позволяет делать конкретные, обоснованные выводы. В то же время наиболее важным вопросом является понимание и научное объяснение того, как подобная генетическая “предопределенность” реально работает, каковы механизмы ее влияния и насколько в действительности она сильна и устойчива.

Рассматриваемый нами генетический комплекс на самом деле является структурным элементом более сложной системы субъективных факторов политического развития общества. Особое место в данной системе принадлежит политической культуре, фокусирующей и обобщающей в своем содержании исторический опыт, политическую память, политические переживания, политические ориентации и навыки целых поколений. В политической науке и политической социологии категория “политическая культура” определяется как *исторически сложившаяся* в конкретном обществе *и относительно устойчивая* система политических ориентаций, моделей политического поведения и “образцов” функционирования институциональных структур политической системы³. Причем, из-за специфики механизмов политико-культурной преемственности и влияния исторических факторов на формирование политической культуры, ее структура неизбежно включает в себя устойчивые,

² См., например: *Бызов Л.Г.* Контуры новорусской трансформации. Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюция социально-политической системы. М., 2013; *Лукин А.В., Лукин П.В.* Умом Россию понимать. Постсоветская политическая культура и отечественная история. М., 2015; *Омельченко Н.А.* История государственного управления в России. М., 2005; *Фурман Д.* Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М., 2010; и др.

³ Подробнее о концепции и подходах к политической культуре см.: *Карпова Н.В.* Социология политической культуры современной России. М., 2012. С. 9–12.

или генетические, элементы, но в тоже время полностью не может быть к ним сведена.

По своей природе политическая культура не является статичной. “Было бы неверно полагать, — указывали американские исследователи политической культуры Г. Алмонд и Дж. Пауэлл, — что политическая культура есть нечто неизменное. Новый жизненный опыт может изменить установки индивидов”⁴. Поэтому в конкретный момент времени политическая культура проявляет себя в виде совокупного баланса между устойчивыми, наследственными, традиционными элементами и такими структурными единицами (нормами, ценностями, установками), которые выработаны под воздействием текущих политических изменений. Состояние реального политического процесса способно как закреплять основы сложившейся в конкретном обществе политической культуры, так и вносить определенные изменения.

В условиях переходных периодов, радикальных реформ, транзитных процессов содержание существующих в обществе политико-культурных элементов может кардинально противоречить направлению изменений, как это происходило в России 1990-х гг. В таких случаях механизмы поддержания стабильности политической системы объективно нуждаются в соответствующих политико-культурных трансформациях, не исключая даже ломку в наследовании традиционных ценностей. Однако как совершенно точно подчеркивает Т.И. Заславская, “чтобы изменить политическую власть (а тем более конкретный политический курс) иногда достаточно нескольких месяцев”. А качественное “изменение национальных культур часто занимает столетия”⁵. Отсюда в подобные исторические периоды, когда институциональные изменения не находят прочной субъективной основы, актуализируются вопросы о генетических возможностях политической культуры, или о ее “политическом генотипе”.

Конечно, использование образа “политического генотипа” как устойчивого структурного элемента политической культуры предлагает нам скорее интуитивное понимание и объяснение сохранения национальных политико-культурных традиций. В то же время в качестве выверенного научного понятия оно может иметь немаловажное методологическое значение, позволяющее раскрыть сами механизмы политико-культурной преемственности, снимая риторические вопросы о предопределенности и неизбежности.

⁴ Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М., 2002. С. 93–94.

⁵Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004. С. 53–54.

Анализируя феномен “политического генотипа”, отечественный исследователь Э.Я. Баталов совершенно логично опирается на родовое понятие биологии — “генотип”, которое представляет собой “генетическую (наследственную) конституцию организма, совокупность всех наследственных задатков данной клетки или организма”⁶. В современной науке “генотип” видится не просто как “механический набор независимо функционирующих генов”, а рассматривается как единая “система элементов, взаимодействующих на различных уровнях и контролирующих развитие, строение и жизнедеятельность организма”⁷. Таким образом, основываясь на данной трактовке “генотипа”, под “политическим генотипом” мы будем понимать *сложную, многоуровневую систему взаимодействующих между собой элементов, определяющих состояние, а также допустимые возможности изменчивости и развития политической культуры конкретного общества*. Причем сложность и многоуровневость политического генотипа как элемента политической культуры связаны прежде всего со структурным содержанием самой политической культуры.

Как следует из вышеприведенного определения политической культуры, ее структура представляет собой трехуровневое образование, охватывающее сферы сознания, политического поведения и функционирования политических институтов. Каждый из уровней имеет свою специфику, разные степени устойчивости и изменчивости, а также механизмы преемственности. Соответственно, каждому из уровней будут присущи свои генотипические формы. В этой связи, пытаясь проанализировать содержание политико-культурного генотипа, необходимо разобраться, в каких формах он существует в структуре политической культуры и как в действительности на каждом из уровней работают процессы наследования. К тому же важно понимать, что, с одной стороны, политический генотип является структурным элементом политической культуры, но с другой стороны, он выступает еще и субъективным (психологическим) фактором ее формирования и развития — некой генетической средой.

Теоретические основы изучения генетических структур, функционирующих на ориентационном уровне (или уровне сознания) политической культуры связаны с проблемной областью политической психологии, в которой непосредственно исследуется и раскры-

⁶ Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 11.

⁷ Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М.С. Гиляров; редкол.: А.А. Бабаев, Г.Г. Винберг, Г.А. Заварзин и др. М., 1986. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/1159/ГЕНОТИП (дата обращения: 30.09.2015).

вается внутренняя природа субъективных механизмов и оснований политических явлений. Одной из категорий, широко используемых в системе политико-психологического знания для описания устойчиво сохраняющихся в конкретном социально-политическом обществе способов мышления, установок, своеобразного склада мироощущения и мировосприятия, является категория “менталитет” (*mentality*, англ. — “сознание”). Будучи созданным в предметном поле исторической психологии и культурной антропологии (Л. Леви-Брюль, Л. Февр, М. Блок) понятие “менталитет” в своей первоначальной трактовке означало наличие у определенной национально-этнической или историко-культурной общности некоего “умственного инструментария”, или “психологической оснастки”, дающей возможность по-своему воспринимать социальное окружение и самих себя⁸. Применительно к политической сфере термин “менталитет” стал использоваться для описания некоего “субъективного кода”, который дает возможность гражданам одинаково воспринимать и оценивать политический процесс в соответствии с принятыми и устоявшимися нормами и ценностями, обеспечивая при этом поддержание политико-культурной преемственности. Формирующийся в ходе исторического развития конкретного государства или общества политический менталитет представляется в качестве своеобразной матрицы, которая задает и сохраняет определенные политические воззрения, ценности и установки по отношению к власти, правам и свободам и т.д.

Между тем, в условиях политических трансформаций и кризисов политический менталитет не остается неизменным, а реагирует на происходящие в политической системе процессы. Как подчеркивал отечественный исследователь Д.В. Ольшанский, глубокие политические изменения могут приводить “к дестабилизации, иногда — к расслоению и нарушению общности менталитета членов группы”⁹. И хотя трансформация менталитета в силу своего инерционного характера — это всегда длительный и в некоторой степени даже болезненный процесс, но, на наш взгляд, постоянной величиной, некой “точкой отсчета” менталитет все-таки не является. Конечно, наличие в той или иной степени устойчивого кода, или “психологической оснастки”, дает некоторые основания говорить о менталитете как о генетическом факторе политической культуры, поскольку в действительности возможности культурных изменений от него зависят. Но для анализа механизмов генетической преемственности в политической культуре одного понятия

⁸ См.: *Ольшанский Д.В.* Политическая психология. СПб., 2002. С. 20.

⁹ Там же.

“менталитет” все же недостаточно¹⁰. Причинами этого являются как необходимость исследования самой природы и сущности его внутренних психологических доминант, так и понимание механизмов, определяющих степень его “инерционности”.

Нельзя не учитывать, что сам процесс развития психологического склада нации находится в прямой корреляции с целой системой объективных факторов географического, исторического характера. Их влияние неизбежно определяет специфику формирования и устойчивость психологических характеристик конкретного сообщества. Так, размышляя об исторической “судьбе России”, Н.А. Бердяев (к работам которого сегодня довольно часто обращаются) неоднократно указывал на слабость сознания личных прав и неразвитость “самодетельности классов и групп” как на особенные (генотипические) черты русского сознания и мировоззрения, или “русской души”. Наличие этих качеств у русского народа философ в значительной степени относил именно к влиянию сложившейся в стране и существовавшей на протяжении длительного времени централизованной государственной власти, показывая тем самым, что субъективные основы политики неизбежно заключают в себе специфику политической истории. “Размеры русского государства ставили русскому народу почти непосильные задачи, держали русский народ в непомерном напряжении, — писал Н.А. Бердяев. — ...Требования государства слишком мало оставляли свободного избытка сил. Вся внешняя деятельность шла на службу государству”. Так и в психологию русского народа (можно также сказать и в его генетику) “вошли и безграничность русского государства, и безграничность русских полей”¹¹. Эти рассуждения совершенно четко указывают на то, что демократические ценности не могут легко и быстро войти в менталитет российского народа и “начать работать” после многовекового существования страны в условиях системы жесткой политической власти. Что еще раз нашло свое подтверждение на этапе начала истории современного Российского государства.

Однако помимо исторически сформировавшегося менталитета в генетическую систему политической культуры входят элементы,

¹⁰ К тому же в использовании понятия “менталитет” есть некие методологические трудности. Так, в самой политической психологии понятие “менталитет” трактуется по-разному. Например, Е.Б. Шестопал в своих работах использует понятие политического менталитета в качестве синонима политического сознания (см.: *Шестопал Е.Б. Политическая психология: Учеб. для студентов вузов.* М., 2007. С. 254).

¹¹ *Бердяев Н.А. Россия и русские // Бердяев Н.А., Лосский Н.О. Русский народ. Богоносец или хам? (Философский поединок).* М., 2014. С. 5–6.

относящиеся к более глубоким слоям человеческой психики, а именно к сфере коллективного бессознательного. Коллективное бессознательное представляет собой “сумму психического опыта предшествующих поколений”¹² и, по мнению самого создателя концепции К.Г. Юнга, является тем общим, что не просто объединяет индивидуумы в народ, но и “связывает нас протянутыми назад нитями с людьми давно прошедших времен и с их психологией”¹³. И в этом смысле историческая обусловленность содержания коллективного бессознательного и его временная устойчивость в наибольшей степени позволяют говорить о нем как о “генетической” первооснове политико-культурного развития. К тому же оно оказывается немаловажным фактором в сохранении инерционных свойств и качеств менталитета.

Базовым структурным элементом коллективного бессознательного К.Г. Юнг называл “архетипы”, которые определялись им в качестве универсальных “изначальных образов”, или моделей, задающих формы человеческой мысли. По своей сущности изначальные образы являются более глубокими основаниями, чем культурные традиции, и представляют собой унаследованную организацию психики, некий психологический инстинкт, отражающий генетическое развитие человечества. “Изначальный образ есть осадок в памяти, — пишет К.Г. Юнг, — образовавшийся путем уплотнения бесчисленных схожих между собой процессов”¹⁴. Соответственно, именно такой элемент природы человека, как “психическое выражение для определенного физиологически-анатомического предрасположения”¹⁵, становится наследственным фактором в развитии психологии конкретного сообщества. По словам отечественного исследователя А.Н. Кольева, архетипы представляют “ту систему координат, из которой сознание не в состоянии вырваться. Рано или поздно архетип становится актуальным, поскольку природа человека не позволяет ему долгое время пребывать в мире рациональных истин”¹⁶.

Применительно к политической сфере общества особое значение имеют архетипы *состояния* (дихотомия “порядок — хаос”),

¹² Кольев А.Н. Политическая мифология: реализация социального опыта. М., 2003. С. 56.

¹³ Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Юнг К.Г. Собр. соч. Психология бессознательного. М., 1994. С. 91.

¹⁴ Юнг К.Г. Психологические типы / Под ред. В. Зеленского. СПб., 2001. С. 332. URL: http://lib100.com/book/psychoanalysis/psychological_types/Психологические%20типы.doc (дата обращения: 22.10.2015).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Кольев А.Н. Указ. соч. С. 66.

оценки (“добро — зло”), отношения (“мы — они”, “свой — чужой”), которые в той или иной форме актуализируются на разных этапах исторического развития. Хотя сам по себе архетип — это всего лишь некий каркас, центральная первоначальная идея, лишенная конкретных образов и наполняемая реальным содержанием только в ходе исторического развития сообщества. Архетипы представляют собой мифологические мотивы, которые в своем оформленном состоянии проявляются в виде конкретных сюжетов, составляющих основу архаических мифов каждого конкретного народа. Причем коллективное бессознательное обнаруживает себя именно посредством данных мифических сюжетов, их содержание является уникальным, а заменить архетипическую мифологию одного народа мифологией другого не является возможным.

В мифах, по словам М. Элиаде, излагается сакральная история народа, «миф повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена “начала всех начал”»¹⁷. При этом архаические мифы не исчезают с развитием общества, а сохраняются на протяжении всей истории народа, проявляясь не только на уровне коллективного бессознательного. Заклучая в себе некий “культ предков” и становясь прообразом политических мифов современности, архаические мифы закрепляются в политических традициях общества и тем самым проникают в содержание политической культуры. Получается, что мифы представляют собой не только архетипическую конструкцию, спроецированную в сферу самоорганизации общества или народа¹⁸, но и действительно являются одной из “чрезвычайно сложных реальностей культуры”¹⁹. Сама природа мифических образов, архетипическая обусловленность, связи традиций с современностью характеризуют их как особую форму выражения политико-культурного генотипа.

Важно и то, что в условиях кризисов, когда разрушаются рациональные основания и мотивация в политической сфере жизни, роль политических мифов в обществе сильно возрастает. В эти исторические периоды, как отмечают исследователи в области политической психологии, элементы сознательной регуляции уступают место механизмам регуляции со стороны коллективного бессознательного. В такие моменты, как правило, и начинает актуализироваться и восприниматься особо остро проблема политико-культурной генетики. “Если рациональные пласты разрушены, — отмечает А.Н. Кольев, — ...то через миф рациональный слой сознания снова

¹⁷ Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010. С. 15.

¹⁸ Кольев А.Н. Указ. соч. С. 75.

¹⁹ Элиаде М. Указ. соч. С. 15.

заполняется. Ведь порой необходимость мифа ощущается почти болезненно, а обретение мифа реконструирует картину мира”²⁰. Таким образом, потребность самого общества в определенном содержании прошлого опыта, неких “уроках истории” становится одним из основных условий устойчивости политических мифов.

В целом, как элемент политической культуры, политический миф представляет собой систему исторически сложившихся образов, в которых заключается коллективная память народа, хранящая в себе социально-политический опыт. «Национальная мифология, — пишет В.С. Полосин, — это подсознание народа, “колодец времени” большой Семьи... иносказание о ее реальном опыте, архетипы которого выражены в символических образах»²¹. В основе этих образов находятся, с одной стороны, архетипы, связанные с какой-либо конкретной ситуацией, а с другой — эмпирический исторический опыт, соответствующий данным архетипам, что при совокупном взаимодействии и определяет культурный код нации, через который преломляется восприятие обществом политических явлений и процессов.

В исторической России, например, архетипической матрицей политической мифологии стали образ *Правды*, раскрывающий представления о правильной жизни, истине, справедливости, и образ *Лада*, в котором выражались идеалы общественного устройства. В формате этих архаических конструкций появились и развивались российские мифические сюжеты о власти как о сильной руке, стоящей на страже Правды, добром царе как защитнике справедливости, мифы о герое-спасителе и другие мифологемы. Укоренившись в содержании политических традиций, эти мифические структуры становились уникальной для нашей страны субъективной основой, на которой происходило развитие политической культуры российского общества, формировались ее особенности и специфика. Причем проявление архаических сюжетов в политической культуре мы отчетливо наблюдаем и в настоящее время, что, правда, зачастую в общем ключе сводится к активизации механизмов политико-культурных традиций.

Например, актуальными для политического сознания современного российского общества являются архаические сюжеты о “народном правителе” как защитнике интересов государства и общего блага народа. Поэтому здесь вполне понятными и объяснимыми становятся высокие рейтинги Президента В.В. Путина, которые сохраняют свои вершины даже на фоне социально-эко-

²⁰ Кольев А.Н. Указ. соч. С. 75-76.

²¹ Полосин В.С. Миф, религия, государство. М., 1999. С. 83.

номических трудностей. Так, по мнению С.А. Медведева, нынешний президент является вполне органичным для матрицы российской истории, поскольку его идеология в значительной степени основывается на традиционных для нашей страны архетипических образах, в которых “высшей ценностью является не общество и отдельный человек, а государство, суверенитет страны”²². Действительно, политика В.В. Путина оказывается созвучной генетическим запросам российского общества, которое, пережив период глубокого системного кризиса, хочет и стремится жить в сильном и суверенном государстве.

Надо отметить, что в политической культуре современной России работают не только мифы о взаимоотношении власти и народа, которые, однако, играют существенную роль в сохранении ее “подданнического” характера. Вхождение Крыма в состав России также стало событием, органично вписывающимся в формат политико-культурной генетики российского общества. В данном случае реализовалось воздействие со стороны архаических образов о присоединении, являющихся одним из вариаций важного для российской культуры мифа об идентификации. В этом сюжете получили свое отражение идеи об обновлении, усилении и возвышении государства через присоединение или воссоединение²³.

Вместе с тем, потребность возвращения к традициям и “культу предков” возможна в обществе не только в ситуации острого кризиса как инстинктивная реакция со стороны общества. Ориентация политической культуры на образы прошлого также может происходить и в системах стабильных — под влиянием и в формате конкретных политических целей. Так, в выступлении перед Федеральным Собранием в 2013 г. В.В. Путин очень четко артикулировал свою позицию по отношению к роли традиционных ценностей в современной России. Он фактически объяснил это одной цитатой Н.А. Бердяева, полагавшего, что “смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме”²⁴. Таким образом, в данном контексте возрождение традиционных основ российского общества, опора на сложившийся “политико-культурный генотип” становятся одной из задач действующих вла-

²² Соломонов Ю. Свобода во сне и наяву (Интервью проф. НИУ ВШЭ С. Медведева) // НГ-сценарии. 27.10.2015. Официальный сайт “Независимой газеты”. URL: http://www.ng.ru/stsenarii/2015-10-27/9_value.html (дата обращения: 11.11.2015).

²³ См.: Кольев А.Н. Указ. соч. С. 73.

²⁴ Цит. по: Путин противопоставил традиционные ценности “хаотической тьме” // Лента.ру. 12.12.2013. URL: <http://lenta.ru/news/2013/12/12/tradition/> (дата обращения: 10.11.2015).

стей в реализации политического курса, поддержания и укрепления политической стабильности.

Итак, если обращаться к воздействию генетики на развитие определенной системы, в нашем случае — политической культуры, то следует учитывать не только сам генотипический комплекс как таковой, но и его взаимодействие с факторами внешней среды, поскольку известно, что в различных условиях системы с одним и тем же генотипом могут выражать себя различным образом или, как говорят биологи, отличаться по своему фенотипу. И именно в фенотипическом проявлении раскрываются все признаки и свойства, формирующиеся в системе в процессе взаимодействия ее генетической структуры (генотипа) и внешней среды²⁵. Для развития политической культуры такой средой, естественно, будет являться вся совокупность исторических, политических, социально-экономических и других факторов, оказывающих влияние на ее формирование. Поэтому понять, что собой представляет и как работает генетика в отношении политико-культурного развития конкретного общества, возможно только с учетом всех этих факторов. Понятно, что увеличение или уменьшение воздействия со стороны одного фактора может спровоцировать как усиление, так и редукцию конкретных генетических особенностей.

Между тем содержание генетической системы политической культуры мифическими и архетипическими элементами не ограничивается. При анализе структуры политического генотипа ученые также обращаются к такому феномену, как национальный характер, который проявляется в наличии у конкретной нации типичных для нее образцов поведения, одинаковых нравов, обычаев, неких традиционных реакций на привычные факты и события. При этом национальный характер показывает, что механизмы генетической преимственности существуют не только на ментальном уровне политической культуры, они также работают и на уровне политического поведения. Так, “к числу первичных основных свойств русского народа принадлежит могучая сила воли”, — писал о русском характере Н.О. Лосский. Отсюда, по его мнению, возникают русский максимализм, страстность, отсутствие меры и неумение идти средним путем, но также “иногда обломовщина, леность, пассивность и... недостаток самодисциплины”²⁶.

²⁵ См.: Биологический энциклопедический словарь. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/1159/ФЕНОТИП (дата обращения: 11.11.2015).

²⁶ Лосский Н.О. Русский народ (Из книги Н.О. Лосского “Характер русского народа”) // Бердяев Н.А., Лосский Н.О. Русский народ... С. 221.

Но несмотря на всю популярность использования данного термина, вопросы о природе и сущности национального характера также представляются весьма спорными и неоднозначными. Главным образом это связано с пониманием того, какие факторы и причины детерминируют национальный характер, являются первостепенными в его развитии: биологические, психологические или исторические и социально-культурные²⁷. В этом отношении понятие “национальный характер” очень схоже с понятием “политический менталитет”, поскольку оба они, с одной стороны, зависят от внутренних психологических доминант конкретного сообщества, а с другой — вырабатываются под влиянием конкретных социально-исторических условий.

Мы видим, что и национальный характер, и другие субъективные, “генетические” элементы политической культуры в той или иной форме отражают традиции народа, аккумулирующие и хранящие в себе его исторический социально-политический опыт. К сожалению, рамки отдельной статьи не позволяют рассмотреть, как в действительности работает генетика на каждом из уровней политической культуры. Так, в данной работе практически неохваченными остаются генетические механизмы, функционирующие на институциональном уровне политической культуры, на котором осуществляется трансляция “культурных образцов” функционирования институтов конкретных политических систем, моделей принятия, осуществления государственных решений и протекания политического процесса. А поскольку институциональный блок политической культуры отличается особой устойчивостью, то его изучение требует отдельного глубокого анализа, и особенно в контексте политического развития. В частности, для России примерами институциональной “генетики” являются традиционный бюрократический характер государственного управления, “самодержавность” власти, неразвитость институтов гражданского общества и ряд других, которые на протяжении долгих лет сохраняют и воспроизводят себя на различных этапах политической истории страны.

Таким образом, “генетический код” политической культуры является проекцией со стороны психологических черт нации, своеобразии которых определяется в ходе ее исторического развития. Генетические механизмы политико-культурной преемственности отражают прежде всего процессы сохранения и воспроизводства

²⁷ См. подробнее: Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск, 2003. URL: http://sociology_encyclopedia.academic.ru/672/НАЦИОНАЛЬНЫЙ_ХАРАКТЕР (дата обращения: 17.11.2015).

исторически сформированного психологического склада конкретного народа, реализующиеся на уровне коллективного бессознательно-го и социальной памяти. Именно эти психологические особенности становятся субъективной основой формирования внутреннего содержания национальных политических ценностей, норм, установок, моделей поведения, культурных образцов функционирования политических институтов и являются основным фактором устойчивости политической культуры.

Конечно, когда мы говорим о социальной генетике, нельзя забывать о существовании так называемого “гена устойчивости”, который обуславливает возникновение в различных социальных системах определенных циклических закономерностей: например, поворот в сторону демократизации и реверсивное движение в сторону авторитарных устоев или уход и возвращение обратно к консервативным ценностям. В частности, отечественный исследователь Ю.В. Яковец объясняет это тем, что в самом генотипе закодирована цикличность развития системы, смена фаз жизненного цикла. В циклическом развитии, по его словам, “генетика раскрывает внутренний механизм, пружины... динамики, взаимодействие наследственности и изменчивости”²⁸. Поэтому периоды и попытки системы, в том числе и политико-культурной, вырваться за пределы генетических оснований, традиционных основ — по сути можно рассматривать как активизацию внутреннего механизма сохранения генотипа через его обновление. Ведь так или иначе генотипическая изменчивость является одним из условий развития системы, а новый виток истории — это всегда конкретный результат взаимодействия между традициями и современностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М., 2002.

Баталов Э.Я. Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 3.

Биологический энциклопедический словарь / Гл. ред. М.С. Гиляров; редкол.: А.А. Бабаев, Г.Г. Винберг, Г.А. Заварзин и др. М., 1986. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/1159/ГЕНОТИП (дата обращения: 30.09.2015).

Бердяев Н.А., Лосский Н.О. Русский народ. Богоносец или хам? (Философский поединок). М., 2014.

Бызов Л.Г. Контуры новорусской трансформации. Социокультурные аспекты формирования современной российской нации и эволюция социально-политической системы. М., 2013.

²⁸ Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999. С. 31.

Заславская Т.И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации. М., 2004.

Картова Н.В. Социология политической культуры современной России. М., 2012.

Кольев А.Н. Политическая мифология: реализация социального опыта. М., 2003.

Лукин А.В., Лукин П.В. Умом Россию понимать. Постсоветская политическая культура и отечественная история. М., 2015.

Ольшанский Д.В. Политическая психология. СПб., 2002.

Омельченко Н.А. История государственного управления в России. М., 2005.

Полосин В.С. Миф, религия, государство. М., 1999.

Социология: Энциклопедия / Сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Минск, 2003.

Фурман Д. Движение по спирали. Политическая система России в ряду других систем. М., 2010.

Шестопал Е.Б. Политическая психология: Учеб. для студентов вузов. М., 2007.

Эйдельман Н. “Революция сверху” в России (Заметки историка). М., 1989 // Электронная библиотека. URL: <http://e-libra.ru/read/217082-revoluciya-sverhu-v-rossii.html> (дата обращения: 28.10.2015).

Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2010.

Юнг К.Г. О психологии бессознательного // Юнг К.Г. Собр. соч. Психология бессознательного. М., 1994.

Юнг К.Г. Психологические типы / Под ред. В. Зеленского. СПб., 2001. URL: http://lib100.com/book/psychoanalisis/psychological_types/Психологические%20типы.doc (дата обращения: 22.10.2015).

Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999.

REFERENCES

Almond G., Powell G., Strom K., Dalton R. Sravnitel'naya politologiya segodnia: mirovoy obzor / Pod red. M.V. Il'ina, A.U. Mel'vilia. M., 2002.

Batalov E.Y. Politicheskaya kultura skvoz prizmu civic culture // Pro et Contra. 2002. T. 7. N 3.

Berdyaev N.A., Losskiy N.O. Russkiy narod. Bogonocet ili ham? (Philosophskiy poedinok). M., 2014.

Biologicheskij encyclopedicheskiy slovar / Gl. red. M.S. Gilyarov, redkol.: A.A. Babaev, G.G. Vinberg, G.A. Zavarzin M., 1986. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_biology/1159/GENOTIP (data obrascheniya: 30.09.2015).

Bizov L.G. Konturi novorussoy transformacii. Sociokul'turnie aspekti formirovaniya sovremennoy rossiyskoj nacii i evoluciya social'no-politicheskoy sistemi. M., 2013.

Eidel'man N. “Revoluciya sverhu” v Rossii M., 1989. URL: <http://e-libra.ru/read/217082-revoluciya-sverhu-v-rossii.html> (data obrascheniya: 28.10.2015).

Elliaide M. Aspekti mifa. M., 2010.

Furman D. Dvijenije po spirali. Politicheskaya sistema Rossii v riadu drugih system. M., 2010.

Karpova N.V. Sociologiya politicheskoy kulturi v sovremennoy Rossii. M., 2012.

Kol'ev A.N. Politicheskaya mifologiya: realizaciya socialnogo opita. M., 2003.

Lukin A.V., Lukin P.V. Umom Rossiyu ponimat'. Postsovietskaya politicheskaya kul'tura i otechestvennaya istoriya. M., 2015.

Olshanskiy D.V. Politicheskaya psihologiya. SPb., 2002.

Omel'chenko N.A. Istoriya gosudarstvennogo upravleniya v Rossii. M., 2005.

Polosin V.S. Mif, religiya, gosudarstvo. M., 1999.

Sociologiya: Enciklopedia / Sost. A.A. Gritsanov, V.L. Abdushenko, G.M. Evelkin, G.N. Sokolova, O.V. Tereschenko. Minsk, 2003.

Schestopal E.B. Politicheskaya psihologiya. M., 2007.

Zaslavskaya T.I. Sovremennoye rossiyskoye obschestvo: socialniy mehanizm transformacii. M., 2004.

Yakovets Y.V. Cikli, krizisi, prognozi. M., 1999.

Yung K.G. O psihologii bessoznatelnogo // Sobr. soch. Psihologiya bessoznatelnogo. M., 1994.

Yung K.G. Psihologicheskiye tipi / Pod red. V. Zelenskogo. SPb., 2001.
URL: http://lib100.com/book/psychoanalisis/psychological_types/Психологические%20типы.doc (data obrascheniya: 22.10.2015).